

КАНУН НОВОГО ГОДА

В радиошоу проводили опрос: как люди на самом деле хотят провести новогоднюю ночь? Все оказалось весьма предсказуемо. Те, кто сидел по домам и маялся бездельем, хотели пойти на какую-нибудь вечеринку; те, кого измотали спешка и суета, мечтали отправиться в постель с чашкой чая и заснуть, прежде чем начнется празднование.

Кэти Скарлет мрачно улыбалась, укладывая в фургон подносы с едой. Едва ли в Ирландии нашелся бы тот, кто на такой вопрос ответил бы, что на самом деле искренне хочет провести эту ночь, организовав вечерний прием у свекрови. Вот оно, наказание, назначенное на эту ночь, — кормить гостей Ханны Митчелл в «Дубках». Почему Кэти это делает? Отчасти для практики, и, конечно, это хорошая возможность найти потенциальных клиентов. Джок и Ханна Митчелл знакомы с теми, кто мог бы воспользоваться услугами кейтеринга. Но прежде всего, Кэти хотела доказать Ханне Митчелл, что справится с подобным приемом. Что Кэти, дочь бедной Лиззи Скарлет, убиравшей в «Дубках», Кэти, вышедшая замуж за Нила, единственного сына Митчеллов, может вести собственный бизнес и держать голову так же высоко, как любой из них.

Нил Митчелл сидел в машине, когда услышал эту программу по радио. Она вызвала у него сильное раздражение. Любой, кто посмотрел бы на Нила из другого автомобиля, увидел бы, как омрачилось его умное красивое лицо. Людям порой казалось, что они узнают Нила. Он часто мелькал на экране телевизора, хотя не был актером, — страстно, горячо, взволнованно, откидывая с глаз волосы, выступал перед камерой, всегда гово-

ря от имени жертв несправедливости. У него были яркие, пылающие глаза крестоносца. И подобные жалобы и стоны в радиошоу воистину доводили Нила до безумия. Люди, у которых имелось все — дом, работа, семья, — звонили на радиостанцию, чтобы пожаловаться на тяготы жизни. Все они были везучими, но слишком эгоистичными, чтобы это осознать. В отличие от того человека, которого Нил собирался сейчас навестить, — нигерийца. Тот многое отдал бы за то, чтобы иметь такие же проблемы, как у дураков в радиошоу. Его документы были не в порядке из-за плохой работы чиновников и неразберихи, царящей в госучреждениях, и существовала серьезная опасность того, что парню придется покинуть Ирландию в ближайшие сорок восемь часов. Нила, члена адвокатской группы по защите прав беженцев, попросили приехать на стратегическое совещание. Оно могло продлиться несколько часов. А мать предупредила его, что бы он не опаздывал домой, так как предстоит важный прием.

— Я очень надеюсь, что бедная Кэти справится, — сказала она Нилу.

— Только не вздумай при ней назвать ее бедной Кэти, если хочешь, чтобы у твоих гостей была хоть какая-то еда, — засмеялся он.

Вся эта ерунда между его матерью и женой выглядела чистым идиотизмом; они с отцом держались в стороне. Ведь все равно было ясно, что Кэти победит. Ну и какой смысл вмешиваться?

Том Фезер снова просматривал в газете раздел объявлений о недвижимости. На его лице отражалось недоумение. Он устроился на маленьком диване, на котором не хватало места для его длинных ног и крупного тела. Если бы он мог подставить к дивану стул, чтобы вытянуть ноги, стало бы вполне удобно. Ну что ж, однажды он поселится в таком месте, где будет стоять диван, достаточно большой для него. Да, отлично иметь широкие плечи регбиста, но не тогда, когда тебе нужно сидеть и изучать объявления о свободных помещениях. Он развернул газету. Должно быть, он чего-то не заметил. Некое строение с помещением, которое можно превратить в кухню для кейтеринга. Они с Кэти Скарлет так много работали, чтобы осуществить это... С самого

первого года обучения в колледже общественного питания они намеревались создать лучшую в Дублине компанию по обслуживанию приемов на дому. Сама идея доставлять людям домой отличную еду по разумной цене зажгла их обоих. Они усердно трудились, и теперь у них были контакты и финансирование, оставалось лишь найти подходящее место. Дом Кэти и Нила в Уотервью, хотя и весьма элегантный, слишком мал, чтобы принимать его во внимание, а квартира в Стоунфилде, где Том жил с Марселлой, была и того меньше. Им нужно поскорее что-нибудь отыскать. Том вполуха слушал радио. Как ему самому хотелось бы провести новогоднюю ночь? Найти идеальное место для их компании, а потом остаться дома с Марселлой и, глядя ее прекрасные волосы, сидеть у камина и говорить о будущем. Но конечно, этого не случится.

Марселла Мэлон работала в салоне красоты в универмаге «Хейвордс». Высокая и гибкая, с копной темных волос, она была, пожалуй, самой красивой из маникюрш, которых когда-либо видели клиенты. У нее было овальное лицо и оливковая кожа — мечта каждой школьницы. И в то же время от Марселлы исходили покой и безмятежность, заставлявшие людей старше, не красивее, полнее, чем она, принимать ее. Клиенты ощущали, что им словно бы передается нечто от ее красоты, — и еще она, похоже, всегда искренне интересовалась всем, что они ей говорили.

В салоне работало радио, и люди обсуждали тему передачи. Клиенты увлеченно присоединились к обсуждению, но никто, казалось, толком не знал, как бы им хотелось провести новогоднюю ночь. Марселла помалкивала. Она занималась ногтями и думала о том, как ей повезло. У нее было все, чего она хотела. У нее был Том Фезер, самый красивый и любящий мужчина, какого только может пожелать любая девушка. И более того, ее недавно сфотографировали на двух событиях, близко связанных между собой. На показе трикотажных изделий и на благотворительном показе мод, где любители демонстрировали одежду ради сбора пожертвований. Судя по всему, этот год дал ей все, что мог. Марселла уже собрала очень хорошее портфолио, и Рики, фотограф, делавший эти снимки, устраивал весьма блестящий прием. Там должны были присутствовать многие медийные фигуры, и их

с Томом тоже пригласили. Если все пойдет хорошо, она сможет найти агента и получить контракт, и тогда к следующим новогодним праздникам ей уже не придется работать маникюршей в «Хейвордсе».

Было бы замечательно, если бы Том смог поехать с Кэти в «Дубки». Это означало бы моральную поддержку и компанию в кухне, хранящей слишком много плохих воспоминаний, к тому же он мог разделить с Кэти работу. Но Тому пришлось отправиться с Марселлой, что было вполне справедливо: это должно было помочь ее карьере. Марселла была такой красивой! Люди просто останавливались, чтобы посмотреть на нее. Высокая и стройная, с улыбкой, способной осветить ночь. Неудивительно, что ей хотелось стать моделью, и можно лишь поражаться тому, что она до сих пор ею не стала. А потом Нил сказал, что сам поможет Кэти и что они уже наняли Уолтера, кузена Нила, в качестве бармена. И это Кэти тоже сочла всего лишь справедливым, без какого-либо коварства, так как они с Томом все утро трудились, как рабы.

— Тебе необязательно делать все это, — сказала Тому Кэти. — Она ведь не собирается нам платить, ты знаешь.

— Это просто нечто вроде вложения... Мы там можем нагрести кучу контактов, — добродушно ответил он.

— Надеюсь, во всем этом нет ничего такого, от чего кто-нибудь заболеет? — с надеждой спросила Кэти.

Перед ней вспыхнула страшная картина: все гости Ханны Митчелл бродят по дому, держась за живот и постанывая от какого-то страшного пищевого отравления. А Том сказал, что она глупеет с каждым часом и что он, должно быть, сошел с ума, когда выбрал такого психически неуравновешенного делового партнера. Никто не ссудит им денег, если поймет, что с виду спокойная Кэти Скарлет на самом деле просто комок нервов.

— Мне хорошо с обычными людьми, — успокоила его Кэти. — Просто эта Ханна...

— Дай себе побольше времени, приезжай туда пораньше, включи в фургоне веселую музыку, чтобы успокоиться, а завтра позвони мне, — постарался утешить ее Том.

— Если выживу. Повеселись сегодня.

— Ну, это же просто одно из шумных сборищ в студии Рики, — ответил Том.

— И с Новым годом! И Марселлу поздравь.

— В это же время на следующий год — только вообрази... — сказал Том.

— Знаю, одна из историй великого успеха, — жизнерадостно кивнула Кэти, хотя на самом деле ничего подобного не чувствовала.

Это был их обычный способ: если один впадал в уныние и сомнения, то другой старался быть бодрым и оптимистичным. Но вот фургон загружен. Нила не было дома, ему пришлось поехать на какую-то консультацию. Он не похож на обычного адвоката, с гордостью подумала Кэти. У него не было часов приема или высокой платы за консультацию. Если кто-нибудь попадал в беду, Нил оказывался там. Все было очень просто. И поэтому Кэти его любила.

Они знали друг друга с детства, но почти не встречались. В те годы, когда мать Кэти работала в «Дубках», Нил учился в школе-пансионе, а потом, будучи студентом, редко приезжал домой. Став членом коллегии адвокатов, Нил переехал в отдельную квартиру. И лишь по чистой случайности Кэти снова встретила с ним в Греции. Если бы он остановился на какой-нибудь другой вилле или она бы в тот месяц готовила на другом острове, они никогда бы не узнали друг друга и никогда бы не влюбились. Но была бы в таком случае Ханна Митчелл счастливее? Кэти велела себе выбросить все это из головы. Ехать в «Дубки» было еще слишком рано, Ханна будет суетиться, ныть и только мешать ей. Кэти решила заехать к своим родителям. Это бы ее успокоило.

Морис и Элизабет Скарлет, которых все знали как Матти и Лиззи, жили в центре Дублина в полукруге старых каменных двухэтажных домов. Это место называлось Сент-Ярлат-Кресент в честь ирландского святого. Некогда в этих домах жили фабричные рабочие, которых ежедневно поднимала с постелей сирена. Перед каждым домом имелся крошечный садик, всего десять футов в длину, а потому непросто было вырастить здесь хоть что-нибудь, что могло бы радовать глаз.

Это был дом, где родилась мать Кэти и где она вышла замуж за Матти. И хотя он находился всего в двадцати минутах езды от дома Кэти и Нила, от изысканного мира «Дубков», куда Кэти направлялась этим вечером, его отделяло расстояние в тысячу миль, а может, и в миллион.

Родители пришли в восторг от неожиданного появления Кэти в белом фургоне. Что они будут делать в новогоднюю ночь? — гадала Кэти. Они намеревались пойти в паб по соседству, где соберутся коллеги Матти. С людьми, которых он называл коллегами, отец на самом деле встречался в букмекерской конторе Сэнди Кина, но они так серьезно относились к своим повседневным занятиям, что Кэти и в голову не приходило над ними подшучивать.

— А еда там будет? — спросила она.

— В полночь они собираются подать нам запеченных цыплят! — Матти Скарлет был явно доволен щедростью паба.

Кэти смотрела на них обоих.

Ее отец был невысоким и полным, волосы у него стояли торчком, а на лице постоянно играла улыбка. Ему было уже пятьдесят, но Кэти никогда не видела, чтобы он работал. У него были проблемы со спиной, но не настолько серьезные, чтобы он не мог добраться до Сэнди Кина и поставить на фаворита три к пятнадцати, но все же слишком серьезные для того, чтобы он мог работать.

Лиззи Скарлет выглядела так же, как всегда, — маленькая, сильная и жилистая. Она четыре раза в год делала химическую завивку в салоне ее кузины.

— Это так же постоянно, как химическая завивка бедной Лиззи, — как-то сказала Ханна Митчелл о чем-то.

Тогда Кэти пришла в ярость оттого, что Ханна Митчелл, раз в неделю посещавшая дорогой салон в «Хейвордсе», пока Лиззи Скарлет на четвереньках убирала «Дубки», посмела насмехаться над прической ее матери. Но сейчас не было смысла об этом думать.

— А ты, мам, чем займешься? — спросила она.

— О, в пабе будет еще и викторина с призами! — ответила Лиззи.

Кэти почувствовала, как тает ее сердце от нетребовательности родителей, которым было нужно так мало.

Сегодня в полночь в «Дубках» мать Нила, скорее всего, подожмет губы и постарается найти огрехи во всем, что приготвила Кэти.

— А ребята звонили из Чикаго? — спросила она.

Кэти была младшей из пятерых детей Матти и Лиззи и единственной, оставшейся в Дублине. Двое ее братьев и две сестры эмигрировали.

— Все до единого! — с гордостью ответила Лиззи. — У нас благословенная семья.

То, что все они посылают деньги матери, Кэти знала, так как письма приходили на ее адрес, а не в дом родителей. Не было смысла соблазнять ее отца, позволяя ему увидеть доллары, когда он знает, что в букмекерской конторе Сэнди Кина его ждет верный выигрыш.

— Ну, я бы предпочла побыть с вами сегодня, — искренне сказала Кэти. — Но вместо этого буду разочаровывать Ханну Митчелл тем, что привезла.

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, — заявил Матти.

— Пожалуйста, Кэти, будь с ней повежливее. За все годы работы у Ханны я поняла, что лучше ее рассмешить.

— Ты так и делала, мам, ты ее смешила, — мрачно произнесла Кэти.

— Но ты же не собираешься сегодня произносить там речь или что-то в этом роде?

— Нет, мама. Успокойся. Я согласилась организовать прием и, если это меня убьет, приму все с улыбкой на лице.

— Хотелось бы мне, чтобы Том Фезер поехал с тобой, он хорошо на тебя влияет, — сказала Лиззи.

— Там будет Нил, мам. Он мне поможет сдерживаться.

Кэти поцеловала родителей на прощание и поехала в «Дубки».

Ханна Митчелл нанимала теперь уборщиц из клининговой компании, ведь у нее уже не было бедной Лиззи, которую можно было терроризировать. Дважды в неделю четыре женщины приезжали со своим оборудованием и наводили чистоту, не слыша ни от кого замечаний: пылесосили, полировали, гладили.

Они затребовали полуторную оплату за работу в канун Нового года. Ханна возмутилась.

— Как угодно, миссис Митчелл, — бодро откликнулись они, прекрасно зная, что множество людей были бы рады, если бы в их доме навели порядок в такой день.

Она быстро сдалась. Все стало определенно не так, как бывало всегда. Но все же оно того стоило: дом выглядел отлично, и ей, по крайней мере, не пришлось и пальцем пошевелить. А эта Кэти со всеми ее грандиозными намерениями на самом деле оказалась способна сервировать вполне приличный стол. Она должна была вскоре приехать в этом большом белом отвратительном фургоне. Даже те женщины, что убирались в доме дважды в неделю, приезжали на куда более приличной машине. Кэти явится в кухню, пыхтя и задыхаясь под тяжестью подносов. Дочь бедной Лиззи ведет себя так, словно это ее собственный дом. Увы, пожалуй, однажды так оно и будет. Но не сейчас, напомни-ла себе Ханна, плотно сжимая губы.

Джок, муж Ханны Митчелл, остановился по пути домой из офиса, чтобы выпить. Он чувствовал, что ему это необходимо, прежде чем встретиться с Ханной. Она всегда нервничала и напрягалась перед приемами, но на этот раз все было во много раз хуже, — ей ненавистно было то, что все для банкета поставляла жена Нила Кэти. Ханна отказывалась признать, что эти двое счастливы, подходят друг другу и вряд ли разойдутся, какие бы планы ни строила Ханна. Кэти всегда останется для нее дочерью бедной Лиззи и даже в каком-то роде злодейкой, соблаздившей их сына в Греции. Ханна всегда была уверена, что эта девушка нарочно забеременела, чтобы поймать Нила. И была весьма удивлена, когда оказалось, что это не так.

Размышляя, Джок выпил порцию солодового виски и пожелал, чтобы ему не пришлось беспокоиться об этом, как и обо всем прочем. Джок Митчелл был серьезно встревожен сегодняшним разговором со своим племянником Уолтером. Уолтер, ленивый бездельник, старший сын Кеннета, брата Джока, сообщил, что в «Буках», где жила его семья, не все благополучно. То есть на самом деле все было весьма далеко от благополучия. Уолтер сказал, что его отец уехал в Англию как раз перед Рождеством и не оставил никаких сведений о том, где находится. Мать Уолтера, не обладавшая сильным характером, отреагировала на такой поворот событий сильным пристрастием к водке. Проблема была

в их девятилетних близнецах Саймоне и Мод. Что с ними происходит? Уолтер лишь пожал плечами; он действительно не знал. Ну, как-то они справляются, предположил он. Джек Митчелл тяжело вздохнул.

Мобильник зазвонил, когда Кэти парковалась у «Дубков». Она достала его из кармана и ответила.

— Послушай, я честно не смогу приехать и помочь тебе разгрузиться, — извинился Нил.

— Нил, это не важно, я как-нибудь справлюсь.

— Здесь все оказалось куда запутаннее, чем я думал. Послушай, попроси моего папу тебе помочь со всеми этими корзинами, не надо их таскать самой просто для того, чтобы моя мать увидела, как ты хороша.

— Ох, она и так это знает, — простонала Кэти.

— Там должен быть Уолтер...

— Если бы мне пришлось ждать, когда Уолтер поможет разгрузиться и накрыть столы, то прошла бы половина ночи... Хватит суетиться, вернись туда, где ты должен быть.

Кэти напредила себе, что осталось всего шесть часов или около того от прошедшего года, всего шесть часов или около того, чтобы угодить Ханне. И что могло стать самым худшим? Самым худшим могло стать то, что еда оказалась бы ужасной и никто к ней не притронулся бы, но такого быть не могло, потому что еда была отменной. Вторым из худшего стала бы ее нехватка, но в фургоне лежало столько, что можно было накормить половину Дублина.

— Никаких проблем, — вслух произнесла Кэти, глядя на обсаженную деревьями подъездную дорогу к дому, где родился Нил.

Дом джентльмена, построенный сто пятьдесят лет назад, квадратный и довольно приятный, с четырьмя спальнями над большой парадной дверью и эркерами по обе стороны от нее. Стены покрывали разросшиеся плющ и дикий виноград, а перед домом была огромная гравийная площадка, на которой этим вечером должны были быть припаркованы двадцать дорогих автомобилей. И он настолько отличался от дома на Сент-Ярлат-Кресент, насколько можно было вообразить.

Шона Бёрк часто задерживалась в своем офисе на этаже управления в «Хейвордсе», у нее был свой ключ и код для того, чтобы приходить и уходить в удобное для нее время. Она слушала радиошоу и гадала, а был ли у нее по-настоящему выбор насчет того, как провести новогоднюю ночь. Давным-давно, в более счастливой жизни, это было для нее праздником, но только не в последние несколько лет. Шона понятия не имела, чем займутся ее сестры и братья, пойдут ли они в больницу. Конечно, Шона тоже из чувства долга отправится в больницу, хотя это было бессмысленно, ее не узнают и не признают.

А потом она должна будет пойти на вечеринку в студию Рики. Всем нравился Рики. Приятный, беспечный фотограф, он мог собрать множество людей и устроить для всех развлечение. Там наверняка будет целая толпа позеров и пустоголовых типов, умирающих от желания увидеть упоминание о себе в светских колонках газет... Вряд ли Шона встретит там любовь своей жизни или даже временного партнера, но все равно она должна наряжаться и пойти туда хотя бы потому, что не считала себя особой, готовой сидеть в одиночестве в квартире в Гленстаре.

Но сейчас Шону изводил вопрос о том, а как она на самом деле хотела провести этот вечер? Ответить на него было трудно, потому что все слишком сильно изменилось. Хорошие дни миновали, и невозможно было представить занятие, которое сделало бы ее по-настоящему счастливой. А при отсутствии ответа сойдет и вечеринка у Рики.

Марселла покрывала лаком ногти на ногах. У нее были новые вечерние босоножки, которые она купила в магазине поношенной одежды. Она с гордостью показала их Тому. Босоножки почти не надевали; должно быть, кто-то купил их, а потом решил, что они не подходят.

— Новые такие стоят целое состояние, — радостно заявила она, внимательно рассматривая туфли.

— Ты рада? — спросил Том.

— Очень! — ответила она. — А ты?

— Ох, очень-очень, — засмеялся он.

Было ли это чистой правдой? Том совсем не хотел идти на вечеринку к Рики. Но один лишь взгляд на Марселлу делал его

счастливым. Он действительно просто не мог поверить в то, что такая красивая девушка, которая могла заполучить любого, выбрала его. Том понятия не имел, что был привлекательным, он считал себя здоровенным и неуклюжим. Он искренне верил, что все восхищенные взгляды, направленные на них двоих, устремлены только на Марселлу...

— Я слышала в радиошоу, что люди никогда не бывают по-настоящему счастливы, — начала Марселла.

— Знаю, я тоже это слышал, — кивнул Том.

— Я просто подумала, как нам повезло. Бедные Кэти и Нил не могут сегодня делать то, чего *им* хочется. — Марселла, в одних стрингах, встала и взяла со спинки стула маленькое красное платье.

— Да, Кэти, пожалуй, уже там, в доме свекрови, накрывает столы. Надеюсь, у нее хватит выдержки.

— Ну, ей придется. Это же работа, а она профессионал. Мы все должны сдерживаться на работе, — сказала Марселла, которой в своей жизни приходилось склоняться над слишком большим количеством надменных рук, хотя она предпочла бы провести день на солнце, прохаживаясь по подиуму в качестве модели.

— Там будет Нил и тот его кузен-молокосос, так что все будет в порядке. — Но в голосе Тома звучало сомнение.

Марселла натянула на себя красный наряд. Вообще-то, это было платье, короткое, облегающее, так прилипшее к ней, что простора для воображения уже не оставалось.

— Марселла, ты что, действительно хочешь пойти вот в этом?

— Тебе не нравится? — Ее лицо тут же помрачнело.

— Ну конечно же мне нравится! Ты прекрасно выглядишь. Просто... ну... может, я предпочел бы, чтобы ты надевала это здесь, для нас, а не для всех, кто тебя увидит.

— Но, Том, это же вечернее платье! — в ужасе воскликнула она.

Том моментально взял себя в руки:

— Да, само собой, и сегодня ты будешь иметь успех.

— Что ты имеешь в виду?

— Имею в виду?... Ничего... то есть я имел в виду, что ты потрясающе выглядишь и я не хочу делить тебя с другими людьми... но не обращай внимания. Я совсем не думал ничего такого.

— Мне казалось, ты будешь мной гордиться.

— Я так тобой горжусь, что ты и представить не можешь! — заверил ее Том.

И она действительно была прекрасна. Он, должно быть, с ума сошел, что так на все отреагировал.

Ханна Митчелл стояла в темно-синем шерстяном платье, с сильно залакированными волосами после предновогоднего посещения салона в «Хейвордсе». Она всегда одевалась так, словно шла на ланч с дамами. Кэти никогда не видела ее в фартуке или просто в старой юбке. Но если ты не занимаешься домашними делами, какой смысл надевать что-то такое?

Стоя у Кэти на дороге и всячески мешая ей пройти, Ханна наблюдала за тем, как та носит в дом коробки и корзины, однако не предложила помочь. Вместо этого она надеялась, что коробки не оставят пятен на обоях, и думала, где Кэти следует припарковать фургон, чтобы он никому не мешал, когда приедут гости. Кэти мрачно ходила в кухню и обратно. Она включила плиты, повесила кухонные полотенца на спинки стульев, сунула пакет со льдом в морозилку и начала разбирать еду. Было бы бессмысленно просить Ханну Митчелл оставить ее одну, уйти наверх и отдохнуть. Она будет стоять здесь, шипеть и раздражать, пока не явятся гости.

— Скоро ли мистер Митчелл вернется домой? — спросила Кэти, подумав, что она могла бы попросить его помочь распаковать бокалы.

— Не знаю, Кэти. Вообще-то, не в моих правилах спрашивать мистера Митчелла, когда он будет дома.

Кэти почувствовала, как ее шея краснеет от злости. Как смеет эта женщина вести себя так оскорбительно и высокомерно?! Но Кэти знала, что она одинока в своем негодовании. Нил просто пожмет плечами. Ее собственная мать попросит ее не раздражать миссис Митчелл. Даже тетя Джеральдина, обычно подбадрившая и поддерживавшая ее, скажет: «Да пошла она к черту!» И это лишь доказывало то, что Ханна Митчелл была небезопасна для всех, никто не стал бы зря тратить время, беспокоясь из-за нее. Кэти начала снимать фольгу с приготовленных ею блюд.

— Это что, рыба? Никто же ее не ест, ты знаешь. — Ханна изобразила крайнюю озабоченность.

— Я знаю, миссис Митчелл, что некоторые люди ее не едят, поэтому здесь есть выбор, как видите.

— Но они могут не знать.

— Думаю, будут знать. Я им скажу.

— Но разве это будет не шведский стол?

— Да, но я буду стоять за ним, подавать, так что подскажу.

— Подскажешь? — Ханна Митчелл была сбита с толку.

Кэти подумала, не глуповата ли на самом деле ее свекровь?

— Ну, я могу просто спросить, хотят они рыбу под соусом из морепродуктов, или пряного цыпленка, или вегетарианский гуляш, — пояснила она.

Миссис Митчелл постаралась найти в этом что-нибудь правильное, но не смогла.

— Ну ладно, — наконец сказала она.

— Так я могу теперь начать, как вы думаете? — спросила Кэти.

— Кэти, дорогая, могу я поинтересоваться, кто тебе мешает? — произнесла Ханна с каменным и неумолимым лицом, недовольная такой уверенностью дочери бедной Лиззи.

Нил посмотрел на часы. Все до единого в этой комнате имели какие-то планы на Новый год, кроме того студента, ради защиты которого они собрались. Они должны были вскоре закончить, но никто не должен был подавать виду, что спешит. Было бы ужасно, если бы человек, чье будущее висело на волоске, подумал, что все эти борцы за гражданские права, социальные работники и юристы куда больше заинтересованы в собственном ночном веселье и развлечениях, чем в его затруднительном положении. Нил пытался заверить этого молодого нигерийца, что в Ирландии его ждут справедливость и добрый прием. Нил не должен был позволить Джонатану встретить Новый год в одиночестве.

— Когда мы с этим разберемся, ты сможешь поехать со мной в дом моих родителей, — сказал Нил.

Он уже опаздывал, но ничего не мог поделать.

На него уставились большие грустные глаза.

— Вы не обязаны, вы же знаете...

— Я знаю, что не обязан, и это будет не слишком весело, но угощение поставила моя жена, так что еда будет замечатель-

ной. Друзья моих родителей... ну... как это сказать... немного скучные.

— Все в порядке, Нил, правда. Вы и так слишком много делаете для меня, и все это вас уже слишком задержало...

— Давайте еще раз все изучим, — обратился к собравшимся Нил, — а потом мы с Джонатаном отправимся на вечеринку.

Он увидел восхищенные взгляды. Нил Митчелл воистину умел брать препятствия. Он чувствовал себя немного виноватым из-за того, что не был там и не помогал Кэти, как обещал, но здесь дело было намного важнее, и она это понимала. У Кэти все будет в порядке. Его отец и кузен Уолтер должны быть уже там и помогать ей... Все будет хорошо.

Ханна все еще маячила рядом, и это означало, что Кэти приходилось говорить, отвечать на пустые вопросы, подавлять ненужные тревоги и даже поддерживать разговор, на что у нее и вовсе не было настроения.

— Уже почти половина восьмого. Уолтер появится с минуты на минуту, — в отчаянии сказала Кэти.

Она могла бы делать все гораздо быстрее, если бы не находилась под пристальным взглядом самых неодобрительных во всем Западном полушарии глаз. Пальцы могли бы двигаться намного энергичнее, закуски ложились бы на место элегантнее...

— А, Уолтер! Ну, уверена, он опоздает, как все молодые люди. — Ханна фыркнула, выражая неодобрение и презрение.

— Я так не думаю, миссис Митчелл, только не сегодня. Это же деловое соглашение, ему заплатят за время с половины восьмого до половины первого. За полных пять часов. Уверена, он нас не подведет.

Кэти совсем не была в этом уверена; у нее не было никаких доказательств надежности Уолтера Митчелла. Но по крайней мере, станет ясно, каковы его представления о деле. И если он не появится, его отношение даст знать о его близорукости. Кэти услышала, что кто-то идет.

— Это должен быть Уолтер, — сказала она. — Я так и знала, что он будет вовремя.

Но это оказался Джок Митчелл; он вошел в кухню, потирая руки:

— Кэти, все выглядит просто великолепно! Ханна, разве это не изумительно?

— Да, — буркнула его жена.

— Рада вас видеть, мистер Митчелл. Я думала, это Уолтер. Он, вообще-то, сегодня работает на меня, — объяснила Кэти. — Кстати, он ушел из офиса вместе с вами?

— Намного раньше, — ответил ее тесть. — У молодежи свое представление о времени. Из-за него партнеры меня слегка упрекают, если уж на то пошло.

Ханна Митчелл ненавидела, когда семейные дела обсуждались в присутствии Кэти.

— Почему бы тебе не подняться наверх и не принять душ, дорогой? Гости начнут собираться через полчаса, — решительно заявила Ханна.

— Хорошо-хорошо. Кэти, тебе нужна помощь?

— Нет, нисколько. Я же сказала, помощник по вину вот-вот появится, — ответила Кэти.

— А Нил? — спросил Джок.

— На какой-то консультации. Приедет, как только сможет.

Наконец Кэти осталась в кухне одна. До сих пор она справлялась, но до восьми оставалось всего пятнадцать минут. А потом нужно будет выдержать часы и часы...

Вечеринка у Рики начиналась только в десять, а им следовало появиться намного позже, так что у Тома Фезера была масса времени для того, чтобы заглянуть к родителям и пожелать им счастливого Нового года. Он сел в автобус, который шел из Стоунфилда прямо к «Фатиме», дому его родителей, переполненному статуями и изображениями святых. Ему очень хотелось позвонить Кэти и спросить, как идут дела, но она сказала, что ей лучше не брать мобильник с собой в дом, так как он, похоже, сильно и беспричинно раздражает Ханну Митчелл. Лучше она оставит его в фургоне. Вряд ли в «Дубках» одобряют ее разговоры по телефону. Тому пришлось с этим согласиться.

Он сидел в автобусе, чувствуя тяжесть на сердце. Было очень глупо с его стороны расстроиться из-за того откровенного платья, купленного Марселлой. Она наряжалась для него; она любила только его. И было просто подло таить недовольство весь